

Наталия ЧЕРНЫХ

Наталия Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65 (ныне Озерск). Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. Публикации в журналах «Воздух», «Новый мир», «Знамя», «НЛО» и др. Автор нескольких книг поэзии и прозы сборников. В «Волге» печатается с 2009 года (поэзия, проза, критика, эссеистика).

ЛЕТО ЛЮБВИ

стихотворения 2025

боже
я не прошу
дай мне силы

боже
я не прошу Тебя
дай мне любовь

но поддержи меня там
где идет к очередному обрыву дня
поток человеческих тел

я не умею падать

поддержи меня
у обрыва нового дня

В наскоро придуманных словах,
не имеющих ни цели и ни смысла,
золотой и мягкий бродит прах,
золотые маленькие числа.
Непонятно легче говорить –
слов понятных человек боится.
Рысь тайком к ручью приходит пить,
песенками ей вода струится.
Некая молчанка по весне
глупость скажет про лужок в стишонке.
Ты смотри, как топят. На блесне
все не ты, а подлость в распашонке.
Ты смотри, как топят, и топись,
не желая, не умея плавать.

С берега идет Большая Рысь:
плавники твои собой расправить,
ту молчанку взять на коготок,
что топила пьяненьких студентов.
Ты-то кто сама. Индеец чичерок,
дефа камера, мосфильма кинолента.

как много у нас
в хозяйственной сумке
взятой в путешествие
как много у нас
от ада до рая
включая
блаженство и боль
вероятно
это папа и мама

что скажешь ты
о зеленых полях
в волнах дождливого ветра
на которые так хорошо смотреть
из окна рейсового автобуса
от райцентра
в неведомую глушь
можно выйти на любой остановке
лечь лицом к дождю

отличишь ли ты улыбку от маски
цена за отличие невелика
лучше купи четвертинку черного
и треугольник молока

рядом с зелеными полями
тянутся стальные рельсы

ветер несет сырость и пепел
из пространства-времени
где от деревьев осталась только горячая зола
пепел идет по лицу
по твоему лицу

мне бы прикоснуться к нему
если бы не та сторона
я веду по своим щекам
как по стеклу автобуса

ты не увидишь капли
если бы ты знал
невелика цена за счастье

но как много у нас осталось
впрочем
я отдам и то
что осталось

налегке
от блаженства к боли
каждый проходит

сколько можно туда головой
не больна ведь ты ностальгией
и какой вопрос половой
сопрягать теперь с литургией
но послушайте как поет
как в другой вселенной не может
как в финале кода идет
собственного чада дороже
не во времени прошлом смысл
в этом миленьком настоящем
упакованном как кумыс
ноутбуком без дела спящем
и какой здесь ко мне мотив
обращается непредвзято
новостийный аперитив
входит в мозг абсолютным блатом
так с души воротит порой
без нужды насиловать память
вольных звуков скворчинный рой
да от птичьих царапин камедь
слез свояченица смола
глохнуть понемногу счастливо
мозга ствол или мозг ствола
трассы линии перспективы

Где обаянье новой гопоты,
там громко всем до самого рассвета.
Там черное, там не нужны цветы,
ей просто жалко времени для цвета.
Там нет зрачков – не потому что хмурый,

там просто так, на ширину штанины,
летят в ботинках новые амуры,
являя всем ссутуленные спины.
Там холода не сосчитать каналов.
Там кажется, что нет людей на свете:
ни зуммеров и не миллениалов,
а только львы и воюющие дети.
Той гопоты лавина ледяная
идет по улицам, где раньше было жарко.
Но это все не молодежь дрянная,
а только свыше серебрится сварка.
И как при сварке, то в глазах играет,
то звуком пробивает перепонку.
А гопота идет и выпивает
свой энергетик и жует картонку.
Наверно, так шлифуют стены кругом.
Но чем те стены расцветут в итоге.
Идут подростки роем или цугом.
Они не кинозвезды и не боги.
Им ни звезды, ни божества не нужно.
Я б им купила вкусный энергетик.
И этих глаз в очках пустые лужи,
да их тела – ни взрослые, ни дети.

Разбуди меня после полудня.
Мне на сон не хватает всегда
этих денег, которых так студно,
этих лет, из которых беда.
Нужно мне перебрать все игрушки:
книги, кисти и краски, кино.
Но не нужно и медной полушки.
Отдала я все Богу давно.
Но пока Он глядит, как с улыбкой
эти сны и не сны я смотрю.
Пробуждение тошно и зыбко,
Умываюсь, молюсь, говорю.
И нет в этой престранной вселенной
ничего, что фиксирует взгляд.
Что искать мне по матери тленной.
Но игрушки построились в ряд.
Ты возьми, Боже, все, что мне важно,
потому что им лучше с Тобой.
Сон мой сон, до полудня протяжный,
перевязанный крепкой судьбой.

Их не нужно звать. Они приходят сами.
Есть возможность некая у них
проявить неяркий смутный пламень,
свой горячий шоколадом стих.
Они сами скажут имена.
И свои, и тех, о ком болеют
их без веса плоти рамена,
их безвестность, личности аллеи,
их прикосновения в ночи,
их явленья днем внезапно мельком.
Эти не поднявши глаз прошли,
этот снится целую неделю.
Их не нужно властью заклинать.
Они лучше видят и мудрее.
Но без человека им страдать –
как пустой корабль с косою реей.
Они сами будут говорить,
если что сказать им надо к сердцу.
Им до самого скончанья жить,
не уснуть, не спать и не одеться.
Но тепло того, к кому пришли,
будет им и пищей, и покровом.
Цепь эпох. Строений кошели.
Ты пришел. Мы вместе, друг мой, снова.

Кино идет без права на повтор,
без лишних поворотов и загадок.
Так, вероятно, ходит только Бог.
И ход его на первый взгляд негладок,
но голова кружится и скользит,
по пленке в серебре плывет быстрее.
Здесь памяти последний депозит
висит, качаясь, как сундук на рее.
В глубоком недостроенном аду
Линч слушает, как Боуи читает.
А Бог идет и вяжет лебеду,
на хлеб и платье стебли собирает.
Кино идет, и нет ему конца.
Но Бог сказал, что скоро я увижу
с той стороны экранного лица
всех тех, кто был и есть – всех тех, кто ближе.

они шли и пели песню
слова которой
никак ко мне не относились

они шли
я видела
и во мне повернулась
молодым плодом
любовь

мы не боимся
мы пойдем рука к руке

знаю я что так никогда не будет
что не вернуть скальпов
на пустые черепа

что все наши форты разорены
что вашингтон опять проиграл

что граф орлов скоро умрет
и турция снова готовит подлость

но смотря на шествие
за дурацким гробом
где лежали тряпки

рот мой
сам собой
выводил

мы пойдем рука к руке
во мне больше нет страха

Он утром так сказал: цветы прекрасны –
в ответ на: что со мной сегодня.

.....
Она приходит именно в апреле,
чтоб в августе навеки умереть.
Но все не получается

.....
Мы пели,
кто как умел, и не было гитары,
ни тамбурина и не маракасов.
Все это кратко называлось ВИА.

.....
А волосы за лето распушились.

.....
Мы, сидя на холме и на поляне
воображали светлый лес июньский,
когда она подарит новую нам кожу.

.....
А впрочем, как сказал один поэт,
мы исправления не ожидали.
Ни счастья, ни гармонии, ни силы.
Как должное печаль не принимали.
Как слаб теперь и скучен человек.

.....
Но вспомни в стылом августе под ветром,
что всякий, кто приходит в Сан-Франциско,
захочет принести с собой цветок.

.....
А я всего лишь уличный боксер.
Не перечеть моих побед вчерашних.
А нынче я детей вожу по парку
в смешной, раскрашенной как радуга, машине.

.....
Я радугу сломал и бросил в гроб, к цветам и шмоткам.

.....
С бульдогом на дорогу вышел хиппи.

.....
А в этом августе все капли как патроны.

та девочка у золотых ворот

.....
ты говорил
она кричала громко
в ответ на наши теплые улыбки
она так плакала
что дождь пошел короткий
ты мне сказал
она там умерла

.....
а мы кустом красивым расцветали
красивые
мне говорили
люди
идут красиво жить

нам вся вода
под мрачными от зноя небесами

без мыла покорялась
мы росли
преобразив шипы в девичьи пальцы
и мы покрасили корею и вьетнам
восстановив поверженные души
мы войны все как пыль со стекол смыли

.....
но девочка у золотых ворот
смотрела молча словно бы немая
и плакала потом
и умерла

.....
как быстро все случилось
есть
и нет

.....
то лето как старинный дирижабль
взошло и улетело
но куда

.....
когда б я знал
когда б я только мог

.....
когда бы я как летом тем летала
кормя своим девичьим молоком
всю нелюдь волосатую под солнцем

.....
кино продолжится
мы разошлись по странам
но девочка
тогда еще живая
глядит из сердца золотым зрачком
на города ворота золотые